

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ № 48

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.
Н. Тихонов. Баллада о синем пакете

Меж сосен едва розовеет рассвет.
Рация разбита. Связи нет.
Из окружения нет пути,
Только шифровка должна дойти.
А иначе все это будет зазря.
Человек из клетки достает сизаря,
Заскорузлой ладонью ведет по спине:
«На войне, дружище, — как на войне.
Понимаешь, шансы у нас — не ахти.
Долети. Пожалуйста, долети!»
Человек спокойно глядит вокруг:
«Будем прорываться. А вдруг!..»
Лицо его в ссадинах и в пыли.
А птица уже далеко от земли.

Голубь поднимается высоко,
Воздух держит его легко,
Пусть на земле все дымит и горит,
У птицы точный компас внутри —
Компас, который не подведет.
Голубь летит на восток. Вперед.
Воздух обманчиво-плотен, упруг.
Он — не такой уж надежный друг.
Трубы печные... Пятна полей...
С каждым взмахом — все тяжелей.
Но почему-то нельзя назад...
И ястреб — тенью — наперехват.
Пули надежнее, ветра быстрее,
Хищник натаскан на почтарей.
Он заходит сверху и бьет,
Его задача — прервать полет.

Екатерина Владимировна Полянская родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила СПбГМУ им. И. П. Павлова. Поэт, переводчик с польского и сербского языков. Член Союза писателей России с 2002 года. Печаталась в журналах «Нева», «День и ночь», «Звезда», «Северная аврора», «Аврора», «Всерусский собор», «Южная звезда», «Немига литературная», «Сибирские огни», «Сетевая словесность», «Зинзивер» (интернет-журнал), «Дружба народов», «Москва», «Неман», «Урал», «Изящная словесность» и других. Автор семи стихотворных сборников. Стихи переводились на польский, болгарский, японский, английский, сербский и чешский языки. Живет в Санкт-Петербурге.

Птица камнем падает вниз.
Кажется — ни за что не спастись.
Воздух свистит. Но не подвели
Крылья — раскрылись у самой земли.
Голубь так беззащитен и мал.
Голубь изранен, голубь устал.
Он не хочет уже ничего.
Но нечто сильнее и больше его
Изнутри подстегивает, словно плеть:
«Надо лететь! Надо лететь!»
Бьется — колотится в тесной груди:
«Долети. Пожалуйста, долети!»

Крыши домов, деревья, забор
И — на последнем дыхании — двор.
У голубятни — дежурный бог:
Пилотка, винтовка, пара сапог.
И голубь падает к его ногам —
К время отсчитывающим шагам.

Дежурный сообщает в отдел:
«С восточкой сорок восьмой прилетел».
Тонкую ленту держа в руках,
Человек с нее счистит весь пух и прах
И спокойно шифровку прочтет:
Цифры и факты. Сухой отчет.

Солнце садится за облачный край.
Разведгруппа, отстреливаясь, уходит в рай.
И где-то там, в голубиной дали,
Крылья возносят всех от земли.

* * *

И хотела бы сподличать, но она говорит: «Умру!»
«Умру, — говорит, — а до этого прокляну.
Горькое горе, немую свою вину
Будешь ты мыкать на ледяном ветру.

Умру, — говорит, — и вновь прорасту, звеня,
Да хоть бы и в дуре, слабой на передок,
Или в пропойце, в бомже, отсидевшем срок,
Но не предавшем ни себя, ни меня».

А я все гляжу, все пытаюсь увидеть лик,
Неуловимо — изменчивый, словно жизнь.
И так пронзительно в небе кричат стрижи,
С вечностью время сшивая в единый миг.

* * *

Начало мая. Холодно. Светло
И ветрено. Еще прозрачны тени,
И на асфальте битое стекло
Отбрасывает сотни отражений.

И только одуванчик золотой —
Взгляни скорей: он прямо у помойки
Пробился, жаркой силой налитой,
Такой живой и беззащитно-стойкий.

И этот мир, что весь по швам трещит,
В одном-единственном цветке весеннем
Вдруг обретает свой последний щит
И хрупкую надежду на спасенье.

* * *

Оливковое деревце на подоконнике
выбросило длинную ветвь,
и по стеклу упрямо тянется
к бледному петербургскому небу.
Тянется так,
словно бы от усилий его
что-то зависит.
Что-то важное.
Очень важное.
И вроде бы ничего не меняется:
солнце не становится ближе,
а небо — ярче.

Но ведь все-таки в мире
все не случайно,
все взаимосвязано.
А вдруг вот от этой оливковой ветви,
именно от ее стойкости,
от непреклонности ее стремления к свету
и в самом деле что-то зависит?
Что-то важное.
Очень важное.

* * *

Господи, с Тобой не убоюсь
Ни беды, ни тьмы глубокой ночи.
Пусть все тоньше нить и дни короче —
Малой каплей с вечностью сольюсь.

Пусть не так, как должно я жила —
Спотыкалась, падала, грешила.
Пусть меня швыряло и кружило —
Я на свет, на зов Твой тихий шла.

И пока дышу, пока пою,
Голос мой летит хвалой и славой,
Чтобы у последней переправы
Выдохнуть себя в ладонь Твою.

* * *

Мне говорили: «Ни за грош,
Ни за понюшку пропадешь —
Все на рожон зачем-то прешь,
Не зная меры.
Все хочешь петь, да раны шить,
Стихами головы кружить,
Да брать барьеры».

А я смеялась: «Трын-трава!»,
Переплавляя боль в слова,
И лишь струна, как тетива,
Во мне звенела:
«Чертополох растет в меже,
Где жизнь и смерть на рубеже...
Не думай — режь, не думай — шей,
Что должно — делай».

И торопила я коня
В слепой ночи, при свете дня.
Ломали беды об меня
То — зуб, то — жало.
Но сквозь нависшую беду
Я в небе видела звезду
И знала, что не пропаду.
И — не пропала.

* * *

...И крест свой бережно несу...
А. Блок

От войны не желай себе славы,
Скороспелым стихом не греши,
Не бренчи, не витийствуй лукаво,
Громозвучных словес не пиши.

Не спеши на парнасскую горку,
На чужой не красуйся крови.
Помолчи о земле своей горькой
И дыханье ее улови.

Помолчи. Стань спокойным и зрячим,
Чтоб достойно свой крест пронести,
И в молчании этом горячем
Дай зерну, умерев, прорасти.

Что там слава? Тебя ли, другого
Будут ею сегодня венчать —
Перед Богом за каждое слово
Полной мерой тебе отвечать.

СТАРАЯ ЛОШАДЬ

Ей повезло: спина седло забыла,
И шпора не тревожит потный бок.
Спокойно дремлет старая кобыла —
К ней милосерден лошадиный бог.

Есть у нее теперь покой, и воля,
И теплый кров, и чистая вода...
Что снится ей? — Ковыльное раздолье,
Неудержимый бег невесть куда?

Что снится ей в неверном лунном свете,
Когда все грани призрачно тонки? —
Мерцание теней и ветер... ветер,
Летящий рядом наперегонки,

Мелькнувшей ветки смутная тревога,
Далекий зов непаханых полей?..
Все легче бег. И лунная дорога
Все ближе, все просторней и светлей.

МАРИЯ СТЮАРТ

Та, что восходит на эшафот,
Только себе верна.
Сжат до предела упрямый рот,
Струнно звенит спина.

Розы Тюдоров, Стюартов лев,
Темной судьбы печать —
Просто умение королев
Гибель свою встречать.

Юности — вечно срываться вскачь,
Но, предъявляя счет,
Трижды взмахнет топором палач,
Прежде чем смерть придет.

Неразделимы слепая блажь,
Гордость, отвага, честь...
И в обреченности есть кураж,
И — величие есть.

Пусть исчезает в слепой дали
Жизни горячий след.
Время сотрет нас с лица земли,
Но — не из сердца. Нет.

* * *

Что же я помню о доме по Третьей Роте —
Красноармейской — вход через двор со Второй?
Память бредет, замирая на повороте,
Черною лестницей — скорченной и сырой —

Прямо на кухню, где пахнет едой и ссорой,
Где парусит развешанное белье.
Кашель надсадный бредущей по коридору
Бывшей хозяйки. Я боялась ее.

Помню кладовку, полную дивного хлама:
Старых газет, фотографий, бывших вещей,
Примус, подсвечник и велосипедную раму —
Темную, словно сказочный царь Кощей.

Помню каморку соседа: стелился сизый
Дым папирос в последних отсветах дня.
Пыльный буфет, с линзой телевизор...
Тихий старик никогда меня не прогонял.

Комнату помню с окном, выходящим в стену:
Кресло-кровать, ракушки бок витой,
Стол, холодильник «Морозко» и непрременный
Хемингуэй над родительскою тахтой.

Прошлое исчезает и все же длится
Привкусом горьким, тающим завитком,
Вспугнутой тенью, дрогнувшею страницей —
Из ниоткуда тянущим сквозняком.

* * *

Я люблю гостиницы. Их уют —
Просто к нам, бродягам, скупая жалость.
Стол и кров на время тебе дают,
И ты знаешь, сколько его осталось.

Я люблю гостиничный крепкий чай
И случайно купленное печенье,
Я люблю гостиничную печаль,
За окном чужие огни и тени,

Ты один. Все честно и без прикрас,
Даже без почти что родных предметов...
Так легко собраться в расчетный час,
Потому что лишнего вовсе нету.

Никаких прощаний. Один сквозняк
Занавеской пыльной махнет вполсилы.
Дверь закрыта. Все оставлено так,
Как до меня здесь было.